

Чем можно охарактеризовать эти стационарные точки? Эти точки должны быть источниками цивилизации, и эти цивилизации должны как минимум тысячу, две тысячи лет оставаться в том же самом месте. Если брать расположение таких мест по отношению к Симферополю, то перечисленные выше города – центры мировой цивилизации соответствуют этому критерию.

Все эти центры, так или иначе, владели Крымом как колонией. Каждый из завоевателей приносил в Крым новую технологию. Например, древние греки сделали между Азовским и Черным морями канал по перешейку. Если перевести это в современные технологии, этот канал можно сравнить с Суэцким каналом или с Панамским каналом. Он играл примерно ту же роль, которую играет сейчас Суэцкий и Панамский каналы. К сожалению, после греческой римская цивилизация, кроме отдельных колоний, ничего не принесла. Но результат влияния на Крым распавшейся римской империи можно увидеть в том, что из 120 святых, которые признаны всеми христианскими конфессиями, 30 стали святыми в Крыму. Турецкая Порта принесла новые технологии ведения войны. Так что крымские татары достаточно уверенно не только противостояли Москве и Литве, но даже был случай, когда они полностью сожгли Москву. Когда промышленные технологии турок перестали отвечать запросам времени, в Крым пришла Россия. Крым был российским в течение 300 лет. В Крыму до недавнего времени работали предприятия, которые производили такую электронику, такие изделия военного назначения, аналогов которым в мире пока еще нет.

Крым всегда находился в центре внимания. Но всегда к нему было отношение как к провинции. И даже если мы посмотрим на размещение мировых транспортных коридоров, то ключевые коридоры отходят от Крыма. Крым всегда был запасным путем, даже во времена Великого шелкового пути. Видно, что ни один народ, который продвигался в Европу с Севера на Юг или с Юга на Север, не обходил Крым.

Историческую роль Крыма в глобальном мире очень точно определил академик П. Толочко: «Здесь были и фракийцы, и киммерийцы, и скифы, и печенегы, и половцы, и сарматы, и гунны, и готы. Тьма народов, которые ассимилировались и растворились в гигантском бурлящем котле, именуемом Крымом. В нем постоянно возникало какое-то новое качество, которое впитывало предшествующее, но не было на них похоже».

То есть с позиций синергетики сам по себе Крым представляет сложную картину аттракторов, в том числе и странных. Эти аттракторы, внешне выглядящие, как локальные особенности, тем не менее, явились точками бифуркации современной цивилизации. Так, например, оборона Севастополя 1854–1855, локальная с современной точки зрения война, изменила ход мировой истории. В одном сражении под Балаклавой за несколько часов Великобритания лишилась большей части своей будущей политической и военной элиты. Россия принципиально изменила свой подход в отношении своего места в Европе и начала реформы в отношении государства и общества. Однако неполнота, односторонность этих реформ в конечном итоге привели к революции, изменившей не только Россию, но и весь мир.

В середине прошлого столетия Крым сыграл свою роль не только в том, что способствовал разгрому Германии, но и в том, что именно на совещании в Ялте глав государств антигитлеровской коалиции был утвержден сценарий развития послевоенного мира.

Не только история Крыма, но и история внешнего по отношению к нему окружения достаточно полно задокументирована. То есть описания событий, связанных с качественными принципиальными изменениями современной цивилизации, вполне соответствуют критериям выявления типов аттракторов, типов точек бифуркации и их взаимного расположения по отношению друг к другу. Иначе говоря, для исследователей на примере Крыма открываются самые широкие возможности классического исследования современного мира как сложной нелинейной динамической системы, всего ее фазового портрета, когда известны не только особенности в фазовом пространстве, но и траектории поведения системы вблизи этих особенностей, а также на значительном расстоянии до и после [1, 3].

Источники и литература

1. Арнольд В.И. Теория катастроф // Синергетика и психология. Вып.1. Методологические вопросы. – М.: 1997. – С. 230 – 251.
2. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. – М.: Мир, 1991. – 240 с.
3. Хакен Г. Синергетика. / Пер. с англ. В. И. Емельянова. – М.: Мир, 1980. – 405 с.

Кузьмин Н.Н.

УКРАИНА 2004–05: РЕЦИДИВ МОДЕРНА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУРЕ (ПОПЫТКА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА)

События в Украине в 2004–2006 гг. пока еще мало были предметом теоретической рефлексии. Оценки, попытки анализа отличаются явно выраженной политической ангажированностью, эмоциональностью. Культурологические интерпретации событий локализируются в сфере противостояния политических культур, региональных субкультур. Нам же представляется правомерным рассмотрение событий в Украине в свете глобальных культурных процессов, тем более, что эти события вписываются в общий ряд сходных политических процессов, происходивших в 2003–06 гг. в Грузии, Киргизии, Венгрии.

Такая задача, несомненно, является актуальной, поскольку в современном мире политические и экономические процессы во все большей степени пересекаются, коррелируют с процессами социокультурными. Политические и экономические интересы все чаще подчиняются интересам, которые производны от культурной ситуации. Общими для социокультурной динамики современного мира являются трансформации модернист-

ской культуры, которые получили в научной литературе название культуры постмодерна (З. Бауман, Л. Г. Ионин, А. Этциони, П. Козловски) или позднего модерна (Э. Гидденс). Кроме того, данной теме посвящены работы А. Турена, И. Валлерстайна, Дж. Грея, К. Монгардини и др.

В данной работе мы попытаемся обосновать тезис, что события в Украине 2004–05 гг., помимо чисто политических составляющих, были структурированы социокультурным феноменом, который можно охарактеризовать как рецидив модерна в постмодернистской культуре. Рецидивы традиционного сознания в модернизирующихся обществах были довольно распространенным явлением, связанным, как правило, с несовпадением представлений политической элиты, зашедшей достаточно далеко в процессе модернизации и ментальных установок, и остальной массы народа, находящегося еще во многом под влиянием традиционной культуры [7]. Данные рецидивы, как правило, сопровождаются значительными социально-политическими потрясениями. Логичным будет ожидать сходных процессов в современных обществах, которые также находятся в состоянии культурной трансформации, идущей разными темпами на разных уровнях социально-политической структуры.

Для анализа феномена рецидива модерна нам необходимо обратиться к сравнительному анализу политических культур модернистского и постмодернистского обществ [6, с. 285 – 289]. Рождение культуры модерна совпало с образованием государства современного типа и теорий, обосновывающих это государство. Среди многообразия теоретических построений в европейской политической мысли конца XVI – XVII вв. выделим главные для нас идеи: народ как источник суверенитета государственной власти, договорная теория происхождения государства, наличие неотъемлемых прав человека [8, с. 614]. Представления о том, что власть имеет свой источник в народе, что она имеет определенные обязанности перед ним, подотчетна обществу, стали основой современной либеральной демократии. Сформулированная еще Дж. Локком идея о том, что обеспечение прав и свобод граждан является главной функцией государства, красноречиво подчеркивает активную роль государства в социальных процессах. Дж. Грей убедительно показал, что проповедь свободы в современном либерализме сочетается с навязыванием четко определенной доктрины свободы, основывающейся на исторически и культурно ограниченном толковании социального и политического субъекта [4, с. 13–67]. Позднее в культуре модерна возникают идеи, согласно которым власть является еще более активным началом в социальной жизни (социализм, национализм).

Из активной роли политической власти в социальной жизни с необходимостью следует идея о всеобщем равноправии: социальная инженерия возможна лишь по отношению к идентичным объектам, эффективное управление миллионами индивидуальностей или замкнутыми и нормативно самодостаточными общинами технологически невозможно. В традиционной культуре государственная власть с легкостью мирилась с плюрализмом жизненных миров подданных, поскольку не претендовала на их изменение. Государство модерна стало непосредственным актором повседневности, участвуя в сферах, относящихся к индивидуальному бытию людей.

Политико-культурологические черты обществ, относящихся к постмодернистской культуре, производны от сущностных черт данной культуры. Постмодерн рождает личность, которой свойственна некая неопределенность, разорванность бытия [5, с. 414–416]. Поэтому неопределенным для социального субъекта постмодерна будет и его отношение к власти. Этому способствует и кризис модернистских метатеорий социальной и политической жизни в культуре конца XX в.: у социального субъекта постмодерна нет четких предписаний, общепринятых коллективных представлений, какие предоставляли метанарративы либерализма и марксизма. Поэтому индивид в постмодерне определенным образом «ведет себя» по отношению к власти в зависимости от актуализации той или иной ипостаси своего бытия.

У личности постмодернистской культуры нет однозначного представления о функциях политической власти, ее роли в жизни общества. Кризис участия, «бегство с Агоры», по образному выражению З. Баумана [2], характерный для современной либеральной демократии, кризисом является только с ретроспективной точки зрения. Проявлять целенаправленную политическую активность в неопределенной среде неопределившимся индивидам, по меньшей мере, нет никакого смысла. То есть налицо не кризис, а новые социокультурные реалии.

Национальное государство, объединившее политические и культурные идентичности, создало невиданную ранее степень мобилизации общества политической властью. Государство XIX – XX вв. могло заставить людей умирать за себя. Кризис национального государства, характерный для нынешней эпохи, нашел свое выражение и в том, что государство перестало быть основой единства общественной жизни. «Отступление государства» привело к тому, что люди столкнулись с неопределенностью чувств преданности, лояльности, идентичности [14, с. 215]. А. Турен справедливо утверждает, что современное государство воспринимается не как «агент интеграции действующих лиц общества», а скорее как руководитель предприятия, верховный бюрократ [12, с. 48]. В самом деле, сколько сейчас можно найти желающих умирать за государство. Отдать же свою жизнь за этническую общность или религию в современном мире способны достаточно многие.

Для модерна была характерна интенция к прозрачности, понятности, «расколдовыванию» (М. Вебер) мира, которая в сфере политических отношений нашла свое выражение в принципах открытости, подконтрольности власти. Действия власть предержащих претендовали на всеобщую рациональность, обосновывались «научно», эта интенция одинаково проявлялась как в марксизме, так и в либерализме. В постмодернистской культуре наука резко снижает свой статус: темы, направленность научных исследований все менее понятны, и поэтому их значимость для рядового обывателя резко снижается. Более того, люди перестают доверять науке (паническое неприятие генетически модифицированных растений тому пример). Отсюда снижение доверия к действиям власти: с одной стороны, у нее нет ни сакральной, ни научной обоснованности, с другой, ее деятельность в «непрозрачном» мире все менее понятна.

Политическая власть на рубеже тысячелетий все менее и менее чувствует себя обязанной обществу. Главным направлением ее деятельности в сфере установления контактов с обществом стали различные манипулятивные технологии. Нынешние политики, как римские авгуры, давно уже не верят в провозглашаемые ими принципы. Мы сейчас являемся свидетелями того, как в сфере публичной политики продолжается инерция модерна, реальная же политика творится по совершенно иным правилам. Думается, что степень искренности публичного выражения основных принципов политической деятельности у нынешних политиков не сравнима ни с Рузвельтом, ни с де Голлем, ни с Лениным, не говоря уже про творцов Великой французской революции, отцов-основателей США и других великих государственных деятелей модерна.

З. Бауман видит сущность эпохи постмодерна в переходе от «законодательного» разума к «интерпретирующему» [3]. Конечно, данный процесс можно оценивать как некое восхождение. Но более точным будет понимание, что выход на первый план интерпретации есть следствие утраты метанарративов, служивших своеобразными катехизисами, кодексами, дававших готовое и полное понимание всех социальных, политических, экономических процессов и явлений. Индивиду постмодерна свойственно децентрированное сознание. Соответственно, А современная политическая культура – это причудливая смесь консервативного традиционализма, либерализма и социализма, концепции которых одновременно присутствуют в политическом сознании субъектов и активизируются в зависимости от ситуации. В этом причина сближения программных установок различных политических партий: в такой ситуации неважно, что записано в программе, более существенной оказывается реакция на ситуацию. Отсюда и утверждения, что в ближайшем будущем на смену партиям придут СМИ. Ведь их функцией непосредственно и является интерпретация, политические же партии, как дитя модерна, призваны проповедовать истину в последней инстанции.

Существенной чертой постмодернистской культуры является изменившееся отношение ко времени. Политическое сознание модерна четко структурировало прошлое и было нацелено в будущее. Настоящее было лишь этапом. В ситуации резкого усложнения текущей жизни, в условиях, когда в прошлом стало невозможно разобраться и дать общепринятую оценку историческим фактам, когда будущее неопределенно и пугает, настоящее становится не «мигом между прошлым и будущим», а привилегированной территорией [10]. Для власти важна не цель, а непосредственная ситуация, реакция на нее. Отсюда вытекает отсутствие ограничения власти как «заветами предков», так и целевыми установками. В свою очередь, людям нечего предъявит такой власти, и они сосредотачиваются на собственной биографии.

Трансформация отношения ко времени проявляется и в отношении к истории. Для современного государства история стала предметом особой заботы, превратилась в проблему государственной безопасности. Национальное государство во многом родилось на исторических факультетах, его творцы апеллировали к истории и конструировали ее в своих интересах [1, с. 204–203]. В постмодернистской культуре именно исторические нарративы стали главной мишенью постмодернистской деконструкции. Сейчас уже мало кто всерьез воспринимает попытки построения единственно верной объективной истории.

В современном обществе отсутствует некий центральный конфликт, конституирующий развитие общества (в прошлом это были конфликты между феодальной аристократией и буржуазией, между трудом и капиталом, между наднациональной властью и национальными движениями). Такой конфликт выступал в качестве некоего метанарратива, в контексте которого понимались все социокультурные факты (обвинение произведений искусства в политической ангажированности тому пример). Как подчеркивает А. Турен, современность характеризуется, с одной стороны, большим количеством конфликтов, а с другой – их децентрализацией, неспособностью потрясти все общество [12, с. 139–140].

Отталкиваясь от данного анализа особенностей модернистской и постмодернистской политических культур, попробуем охарактеризовать политические процессы в Украине в 2004–05 гг. Наиболее характерным стало возвращение отношения к власти как к зависимой от народа, которое из антуражного, презентационного вновь перешло на уровень массового убеждения. В 2004 г. сначала одна сторона политического противостояния сделала служение народу своим знаменем, затем другая стала отчаянно апеллировать к населению части Украины. Релевантными данному феномену стали попытки социальной инженерии по отношению к жителям «политически неправильных» регионов в 2005 г.

Другим симптомом рецидива модерна стало обострение в публичном дискурсе проблемы государственного суверенитета. Обе стороны в центр полемики выносят обвинения противной стороны в зависимости от другого государства. Во внутренней политике одна сторона показывает категорическое неприятие регионализма (хотя это и противоречит ее евроинтеграционистским установкам), другая – превращает регионализм, который в нормальной ситуации затрагивает некоторые аспекты внутренней политики, в основополагающую, доминирующую идеологию. Обычный для многих современных стран межрегиональный конфликт, не представляющий собой реальной угрозы существованию государства, в Украине стал центральным конфликтом, определяющим значительную часть политического дискурса.

Идеология стала восприниматься всерьез. Соответственно, на первый план вновь стали выходить политические партии. «Наша Украина» образца 2002 г. была типично постмодернистским проектом, объединившим довольно-таки разнородные политические силы и элитные группы при помощи общих символов. В 2005 г. возобладала тенденция формирования идеологически однородной мегапартии. Вспомним, сколько претенциозной шумихи было поднято вокруг формирования НСНУ. Началось активное обсуждение возможностей формирования в Украине 2-х или 3-х партийной системы, соответствующей классической политике модерна. С идеологической «заряженностью» выборного процесса связано и то, что «бегство с Агоры» сменилось неви-

данным уровнем политического участия, проявившегося как в массовых политических акциях, так и в небывалой с советских времен активности избирателей.

Герберт Маркузе отмечал, что для индустриального общества свойственно господство над сознанием человека общих понятий типа "Нация", "Государство", "Партия", "Конституция" и т.п.; хотя им не соответствует ничего, кроме тех предметов, которые они представляют, но, тем не менее, они начинают действовать как самостоятельные сущности, причем сущности, зачастую решающие вопросы жизни и смерти. В результате господства над сознанием данных понятий люди начинают выступать не как индивиды, а как "представители" Нации, Государства, Партии [9, с. 269–274]. Постмодернистская культура лишена обобщающих символов, концептов, подчиняющих себе жизненный мир индивидов. События «Оранжевой революции», расколовшие жителей Украины на сторонников Ющенко и Януковича, воздействовали аналогично: имена политических лидеров стали самодовлеющей силой, подчинившей, пусть и на короткое время, все иные стороны политического процесса.

Вновь возродились претензии на единственно верную историю, причем с обеих сторон политического конфликта. Исторические идентичности стали одной из основ регионального политического противостояния. Еще в начале 2004 г. социологические исследования показали увеличение расхождения в политических оценках Переяславской Рады в разных регионах Украины [11, с. 102]. Исторические события вновь бросили свою тень на актуальную политическую практику, история вернула свою значимость и «серьезность», превратилась из ресурса банальных отсылок для нужд политической риторики в весомый аргумент идеологических убеждений.

Проблема государственных языков была сверхактуальной в период национально–государственного строительства. В современном мире мультикультурализм нивелировал саму проблему. Последовательная реализация права национальностей на обладание «государственным» языком сейчас приведет к абсурдной ситуации, когда количество претендентов на подобный статус превысит все мыслимые и практически реализуемые пределы. Претензии средства общения людей на статус «государственного» непосредственно коррелируют с интенциями модернистского государства на всеохватное участие в культурной жизни. Категорическое отставание одного государственного языка – это модернистская претензия на монокультурность, требование «второго государственного» никоим образом не означает мультикультурализма, а, наоборот, выражает претензии на некую особую роль. Сам термин «государственный язык» означает релевантность данной проблемы с проблемой суверенитета, который есть дитя модерна.

Аналогичная ситуация сложилась и в отношении государства и религии. Утверждение, что государство модерна индифферентно по отношению к религиозной проблематике, не соответствует действительности. Родоначальники модернистской теории государства (Дж. Локк и Т. Гоббс) уделяли значительное внимание данной проблеме, во многих европейских государствах (как католических, так и протестантских) господствующая религия закреплена в законодательстве. Фокусирование политики на проблеме приоритета той или иной конфессии абсолютно релевантно претензиям на одну единственно верную идеологию или интерпретацию истории.

Отмеченные особенности политического дискурса доминировали в Украине со второй половины 2004 г., данная тенденция продолжилась в 2005 г., но с начала 2006 г. все вернулось на круги своя. Политика вновь обрела черты постмодернистской игры, главной чертой которой является безусловный примат политических технологий [3]. На выборах 2006 г. первыми оказались силы, поставившие данные технологии во главу угла своей предвыборной стратегии. Те же, кто пытался изображать из себя «партии европейского типа» (в первую очередь НСНУ и СПУ), оказались на вторых ролях, причем рост популярности первых и падение вторых, как свидетельствуют изменившиеся рейтинги, пришелся именно на последний месяц предвыборной кампании. Политика перестала быть «серьезной», рецидив модерна закончился. События, произошедшие после выборов, еще раз это красноречиво подтвердили. Таким образом, в 2004 и 2006 гг. победителями стали те, кто смог уловить данные тенденции и перестроить в соответствии с ними свои предвыборные технологии.

Источники и литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: КАНОН–пресс–Ц, Кучково поле, 2001.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002.
3. Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии. – 1993. – №3.
4. Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. – М.: Праксис, 2003.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – М.: Логос, 2000.
6. Кузьмин Н.Н. Трансформации и типология отношений власти и общества: традиционная культура, модерн, постмодерн // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 2005.
7. Лурье С.В. Историческая этнология. – М: Аспект Пресс, 1997.
8. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1996.
9. Маркузе Г. Одномерный человек. – М., 1994.
10. Монгардини К. Культура настоящего: изменение отношений в эпоху позднего модерна // Социологический журнал. – 1995. – №2.
11. Стегний А. Региональный фактор развития политической культуры населения Украины // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – №3.
12. Турен А. Возвращение человека действующего. – М.: Научный мир, 1998.

13. Українська влада після виборів–2006: ідеологія, стратегія, конфігурація, склад, перші кроки // Українська правда. – 20.03.06. – <http://www2.pravda.com.ua/news/2006/3/20/39941.htm>
14. Фергюсон Й. Глобальное общество в конце двадцатого столетия // Международные отношения: социологические подходы. – М.: Гардарики, 1998.

Курьянова И.А.

ДОМ ЧЕЛОВЕКА В КРИЗИСНОМ МИРЕ

Ответ на вопрос о роли философии в современном мире балансирует между двумя диаметрально противоположными представлениями: об интимной экзистенциальной основе философствования и о философии как методологии духовной и практической деятельности человека. Думается, что постнеклассический подход примиряет эти крайности в понятии «жизненная ситуация», когда человек не «над», не под», а «внутри» бытия, и его активность по освоению жизненного пространства, в том числе – философская, представляет миру такую реальную вещь, как образец жизненного опыта, который может выглядеть не только как традиционный линейный текст, но и читаться как гипертекст. Современная философия, по нашему мнению, выступает в основном в такой бытийной и ситуативной форме сознания – в форме практического философствования субъектов. Таким образом, важнейшей задачей современной философской науки является освоение и осмысление образцов жизненного опыта и разнообразных форм личностного философского творчества, что позволит сформировать новую парадигму мышления, послужит основанием для выработки методологии современного знания. Разные формы житнетворчества, а также попытки их осмысления и освоения должны составить опыт философской интерпретации проблем, с которыми столкнулось сегодня перестраиваемое общество, и позволить выделить среди разнообразия конкретных жизненных комбинаций аттракторы, определяющие траектории дальнейшего движения социальной системы и формирование новой философской парадигмы.

Возникает проблема выбора верных аттракторов. И определяющим здесь должно стать представление о сути человеческого в человеке. Только те основания, которые позволяют человеку во всем многообразии жизненных ситуаций оставаться собой, те экзистенциальные константы бытия, которые позволяют человеку ощущать себя личностью, сохранять свою душу, жить полной и творческой жизнью, могут и должны служить основанием для определения путей развития общества.

И одним из таких оснований, величайшей интеграционной силой в жизни человека является Дом. Речь идет не только о материальном контексте повседневной жизни человека (достаточно изученный разными прикладными науками аспект), а прежде всего о Доме как способе существования человека, особой культурной реальности, где производится и проявляется человеческое в человеке, т. е. выявляются его антрополого-онтологическая сущность и цели существования.

Человек и Дом – понятия неразделимые. Человек нуждается в Доме. Даже когда он демонстративно покидает Дом и социум, уходит в природу, он начинает организовывать пространство вокруг себя по подобию Дома, строя гнездо, шалаш, обживая пещеру. Обязательную «территоризацию» (Делез) человека «выдает» язык: земля, на которой доведется спать, человек поэтически называет «ложем», небо – «кровом», лес стоит «стеной», в нем есть свои темные «углы» и т. п. Дом, который, согласно народной мудрости, должен построить каждый настоящий мужчина, – это способ сконструировать и оформить бытие, это онтологическая точка отсчета на траектории жизненного пути человека, который выстраивается как путь к Дому или от Дома.

Если концепт «путь» определяется как движение, поиск, номадическое блуждание с горизонтальным вектором, ризомное разрастание виширь и «царство количества» (Р. Генон «Царство количества и значение времени»), то концепт «дом», напротив, принадлежит к числу основных культурных архетипов оседлой жизни. Это точка, в которой человек находит свое место, закрепляется, укореняется, вращается вглубь и получает способность к движению по духовной вертикали – в «царство качества».

Конечно, Дом – это не просто стены и хозяйство, это некое особое место человека в мире, сакральное пространство, обеспечивающее потребности личности в гармонизации со средой обитания. Дом – это особый хронотоп: место, обретенное человеком, мир, конструируемый им в соответствии со своими представлениями и потребностями, время оседлой жизни в этом месте и в этом мире, а это – все то, что противостоит таким разрушающим человеческую личность факторам, как бездомность, неустроенность, незащищенность, неуверенность, страх. Потому Дом видится нам как способ сконструировать идеальную модель мира, не противостоящего человеку, не угрожающего ему, что и делает Дом особой культурной реальностью, которая, в свою очередь, конструирует человека, задавая траекторию его субъективности, позволяя ему лучше осознать себя, проявить свою сущность.

Напряженное противостояние двух глубоко различных типов человеческого существования, двух диаметрально противоположных картин мира, по мнению Р. Генона, нашло выражение в легенде о Каине и Авеле, где наказание для братоубийцы становится вечное скитание.

Интересное и своеобразное толкование этого мифа мы находим у крымского поэта–философа, творца культуры серебряного века Максимилиана Александровича Волошина. Анализируя свой жизненный путь, Волошин утверждает, что, повторив уроки человечества, прошел «путями Каиновыми» по многим дорогам мира. Количество впечатлений неизбежно переросло в новое качество жизни. В одноименной поэме («Путями Каиновыми», 1915 г.) поэт–философ утверждает, что «увидеть солнце» внутри себя человек может только тогда, когда «иссякнет время» и «пространство сморщится» до «точки бытия». Коктебель стал для него той точкой, в